

И ТАНКИ НАШИ БЫСТРЫ

На фоне вступившего в силу Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности становится особенно заметным отсутствие серьезного прогресса в области сокращения обычных войск и вооружений.

Ядерные державы Запада дают понять, что они не только не пойдут на какие-либо дальнейшие шаги по сокращению ядерного оружия в Европе, но, наоборот, будут его накапливать и совершенствовать до тех пор, пока, дескать, существует превосходство ОВД в обычных вооружениях. Наиболее часто и настойчиво при этом поднимается вопрос о советском превосходстве в танках. Вот как остро, например, ставит этот вопрос сенатор Сэм Нанн, председатель комитета по делам вооруженных сил сената США: «...советские танки в Европе являются наиболее дестабилизирующим элементом в мировом балансе сил». По словам Нанна, американцы должны отчетливо понимать, что лишь угроза Запада применить ядерное оружие первым не позволяет Советскому Союзу использовать свое подавляющее превосходство в танках для дестабилизации и запугивания Запада.²

Советская позиция по вопросу о танковой асимметрии более спокойна. Советский Союз не отрицает наличия у него и ОВД превосходства в танках. По данным Министерства обороны СССР, у ОВД в Европе имеется примерно на 20 тысяч танков больше, чем у стран НАТО. Однако это, по мнению советского военного руководства, не нарушает общего баланса сил в Европе, так как в целом между НАТО и ОВД по обычным вооружениям «налицо примерное равновесие, примерный паритет».³ Что же касается частных диспропорций у той или иной стороны, как, например, по танкам или ударной авиации, то они, как считают советские военные специалисты, не подрывают общего равновесия. По оценкам Министерства обороны СССР, превосходство ОВД в танках уравновешивается превосходством НАТО в противотанковых ракетных комплексах (примерно в 2 раза), боевых вертолетах (в 1,5 раза) и ударной авиации (на 1400 самолетов). В связи с этим, по убеждению советских военных руководителей, устранение превосходства ОВД в танках должно сопровождаться упразднением превосходства НАТО в перечисленных выше средствах вооруженной борьбы.

Официальная информация о ходе переговоров по сокращению обычных вооружений, в том числе танков, чрезвычайно скудна по сравнению, например, с информацией по ракетно-ядерному оружию. Насколько можно судить по сообщениям в печати, Запад отказывается сокращать свои противотанковые средства и ударную авиацию, считая их ответом на превосходство ОВД в танках. Вместе с тем среди западных специалистов высказываются оценки, ставящие под сомнение важность самой проблемы ликвидации танковой асимметрии в связи с тем, что более 80 процентов танков ОВД представляют собой устаревшие модели, в то время как по количеству новейших танков превосходство находится не на стороне ОВД, а на стороне НАТО.⁴

Как уже показал опыт венских и других переговоров о сокращении обычных вооружений, подобные споры о превосходстве той или иной стороны и отдельных видах вооружений могут вестись бесконечно долго. Будем надеяться, что новое мышление в конце концов вытолкнет эти переговоры из колеи взаимных препирательств и скучных перечислений танков, самолетов и прочей военной техники на путь конкретных переговоров с целью достижения договоренностей, которых ждут народы всей Европы. Разумеется, для этого потребуются комплексный подход, направленный как на выявление отдельных асимметрий, так и определение общего соотношения вооруженных сил ОВД и НАТО в Европе с целью

¹ Виталий Васильевич Шлыков - кандидат экономических наук, автор ряда публикаций по военной и военно-экономической тематике.

² См. «Air Force Magazine», August 1987, p. 46.

³ «Правда», 8 февраля 1988 г.

⁴ См. «Правда», 13 октября 1987 г.

ликвидации дисбалансов, значительного понижения уровней вооруженных сил и создания ненаступательной структуры таких сил на континенте.

Автор в данной статье хотел бы коснуться лишь одного наиболее широко дискутируемого вопроса — танковой асимметрии, а точнее — ее исторического аспекта. Чем можно объяснить нынешний дисбаланс в 20 тысяч танков в Европе в пользу ОВД и Советского Союза? Как и почему возникла нынешняя танковая асимметрия на континенте?

Ответ на этот вопрос имеет два аспекта: довоенный и послевоенный. Остановимся подробнее на одном из них — довоенном. Это также поможет нам пролить дополнительный свет на некоторые «белые пятна» в нашей историографии, относящиеся к периоду, предшествовавшему Великой Отечественной войне.

Большинство читателей, во всяком случае советских, наверняка удивятся, если узнают, что танковая асимметрия, если под ней понимать количественное превосходство Советского Союза в танках, существует уже более полувека, за исключением отдельных периодов Великой Отечественной войны. Такое удивление вполне объяснимо, особенно если учесть, что советская военная историография и военно-мемуарная литература в основном доказывали и продолжают доказывать, что одной из главных причин неудач нашей армии в начале войны было подавляющее превосходство гитлеровцев в боевой технике, и прежде всего в танках, как в количественном, так и качественном отношении.

В подтверждение этого тезиса приводятся данные, которые были объявлены сразу же после войны: Германия (вместе с сателлитами) развернула против СССР 4300 танков, которым Советский Союз смог противопоставить в своих приграничных округах всего 1475 танков новых типов («КВ» и «Т-34»). Иногда, правда, вскользь упоминается, что в советских войсках к началу войны имелось «также значительное количество танков... устаревших конструкций».⁵ При этом как бы само собой должно подразумеваться, что это «значительное количество танков устаревших конструкций» обладало столь низкими боевыми качествами, что о них серьезному историку или военачальнику даже писать неудобно, а тем более засчитывать их.

Если, однако, проявить самую минимальную любознательность, то можно без особого труда установить, что за всем этим разделением советских танков на «новые» и «устаревшие» скрывается нежелание признать тот факт, что Советский Союз к 22 июня 1941 года имел многократное превосходство в танках над гитлеровскими войсками.

Документально подтверждено, что Германия выставила для нападения на СССР (без сателлитов) 3582 танка и штурмовых орудия из общего числа 5639 танков и штурмовых орудий, имевшихся у нее на 1 мая 1941 года.⁶

Официальных данных о количестве танков, имевшихся у СССР к началу войны, у нас не публиковалось. По западным оценкам, их насчитывалось свыше 20 тысяч, то есть примерно в 5-6 раз больше, чем у гитлеровской армии вторжения. По тем же оценкам, начиная с 1932 года и вплоть до начала второй мировой войны советская промышленность выпускала в среднем около 3 тысяч танков в год, за исключением периода 1938-1939 годов, когда репрессии по отношению к военно-промышленным кадрам привели к снижению выпуска танков.⁷

В целом же, по американским оценкам, советская промышленность в течение предвоенного десятилетия выпустила больше танков, чем все остальные страны, вместе взятые.

Подтверждение этим данным можно найти и в советских источниках.

Так, маршал Г. К. Жуков указывает в своих воспоминаниях, что уже в 1937 году Красная Армия имела 15 тысяч танков и танкеток (выпуск танкеток в СССР был прекращен в

⁵ «Советская Военная Энциклопедия» (далее: «СВЭ»), т. 2. М., 1976, стр. 55.

⁶ В.И. Дашичев. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2. М., 1973, стр. 147.

⁷ См. А. Alexander. Armor Development in the Soviet Union and the United States. Santa Monica (Ca.), September 1976, pp. 35, 24.

1933 году). Кроме того, по данным маршала Жукова, в 1938 году был выпущен 2271 танк, а с 1 января 1939 года по 21 июня 1941 года — еще 7 тысяч танков.⁸

На секретных переговорах с английскими и французскими военными миссиями в августе 1939 года Советский Союз выразил готовность выставить против Германии только в европейской части СССР 9-10 тысяч танков. Для сравнения можно указать, что к 1 сентября 1939 года Германия располагала всего 3 тысячами танков, из которых около 300 были средними, а остальные — легкими, включая 1500 пулеметных танков «Т-1», выпуск которых к этому времени был прекращен ввиду их низких боевых качеств.⁹

Представление о количестве танков в советских войсках к началу войны можно получить и другими способами. Так, из официальных советских данных следует, что к началу Великой Отечественной войны число танков «КВ» и «Т-34», то есть танков новейших конструкций, составляло около 9 процентов от общего танкового парка Красной Армии. Количество танков «КВ» и «Т-34», произведенных к 21 июня 1941 года, известно — 1861 (по другим данным, 1864). Простая арифметика показывает, что общий танковый парк Красной Армии при этом должен был составить не менее 20 700 единиц.

Известно также, что к моменту немецкого вторжения у Советского Союза имелась 61 танковая дивизия (58 в составе механизированных _ корпусов и 3 отдельные дивизии), в каждой из которых по штатам военного времени полагалось иметь 375 танков.¹⁰ Умножив 375 на 61, получаем 22 875 танков. Конечно, в ряде дивизий мог быть недокомплект танков, какая-то их часть могла быть в стадии доформирования. Но само число советских танковых дивизий говорит о многом. Кроме того, помимо танковых дивизий в советских войсках имелось большое число отдельных танковых бригад, полков и батальонов.

О соотношении сил немецких и советских танковых войск говорит и то, что Германия выставила для нападения на СССР 19 танковых дивизий (всего у нее в это время имелась 21 танковая дивизия). При этом одна гитлеровская танковая дивизия имела по штату от 147 до 209 танков, то есть вдвое меньше, чем советская дивизия.¹¹

Весьма скромными были и производственные возможности танковой промышленности третьего рейха. Даже после начала второй мировой войны Германия в течение почти целого года, с сентября 1939 года по апрель 1940 года, была в состоянии выпускать всего 50-80 танков в месяц и лишь с мая-июня 1940 года вышла на уровень выпуска 100 танков в месяц,¹² что вдвое меньше, чем Советский Союз выпускал еще в 1932 году. У Германии попросту не было времени для создания мощной специализированной танковой промышленности.

В годы первой мировой войны Германия, в отличие от Франции и Англии, не успела освоить массовый выпуск танков. За время первой мировой войны ею было выпущено всего 100 танков, в то время как Англией — 2800, Францией — 5300, США — 1000.¹³ После первой мировой войны в соответствии со статьей 171 Версальского договора Германии запрещалось производить или закупать за границей танки и иную бронетанковую технику. Первые немецкие танки разрабатывались и испытывались втайне под видом работ по созданию тракторов и другой сельскохозяйственной техники. Так, легкий танк «Т-I», сконструированный фирмой Круппа в 1931 году, официально назывался «малым трактором» или «сельскохозяйственным тягачом», а танк «Т-III» — «средним трактором».

Ни о каком массовом производстве танков, ни, тем более, об открытом испытании в войсках, вплоть до разрыва Гитлером Версальского договора, не могло быть и речи. Поэтому по-настоящему крупносерийное производство танков Германия смогла наладить только после захвата в 1938 году чехословацких заводов «Шкода», накопивших большой опыт производства

⁸ Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления, М., 1969, стр. 143, 205.

⁹ В.И. Дашичев. Указ. соч., т. 1, стр. 316.

¹⁰ «СВЭ», т. 7, М., 1979, стр. 661.

¹¹ «СВЭ», т. 7, стр. 662.

¹² В.И. Дашичев. Указ. соч., т. 1, стр. 533.

¹³ «СВЭ», т. 7, стр. 652.

наиболее передовых для своего времени танков на Западе. Однако и после захвата Чехословакии и даже после захвата в 1940 году французских танковых заводов Германия не смогла догнать СССР по выпуску танков.

О масштабах отставания немецкой танковой промышленности свидетельствует и тот факт, что Советский Союз продолжал опережать Германию по выпуску танков даже после потери огромной части своей территории и эвакуации ряда танковых заводов на Восток, сопряженной с разрывом сложившихся кооперационных производственных связей. Только в 1942 году в Советском Союзе произведено больше танков, чем в Германии за всю вторую мировую войну (см. таблицу).¹⁴

Таким образом, ни о каком отставании СССР от Германии как по количеству танков в войсках, так и по их производству накануне войны не может быть и речи. Маршал Г. К. Жуков даже считал, что перед войной было допущено увлечение танками в ущерб другим направлениям оснащения советских вооруженных сил.¹⁵

ПРОИЗВОДСТВО ТАНКОВ В ОСНОВНЫХ СТРАНАХ МИРА
В 1940-1945 гг. (без САУ и штурмовых орудий;
в СССР — в 1943-1945 гг., включая САУ)

годы	США	СССР	Германия	Англия
1940	331	2 794	1 469	1 399
1941	4 052	6 590	3 256	4 844
1942	24 997	24 668	4 098	8 611
1943	28 497	24 000	6 083	7 476
1944	17 565	29 000	8 466	2 476
1945	11 985	25 448	988	.

*

Несостоятельным является и миф о том, что у немцев в начале войны было больше танков новейших конструкций. Самое простое сравнение тактико-технических характеристик советских танков, в том числе устаревших, с немецкими показывает, что и здесь превосходство было на стороне Советского Союза.¹⁶

Известный советский эксперт по вооружению А.Н. Латухин констатирует: «Техническая неполноценность немецких танков со всей очевидностью вскрылась с первых же дней Великой Отечественной войны... Танки немецко-фашистской армии имели слабую броневую защиту, а по габаритам представляли собой довольно заметные цели на поле боя.

¹⁴ «Армор», March-April 1981, p. 45.

¹⁵ См. Г.К. Жуков. Указ. соч., стр. 143.

¹⁶ Из 3582 танков, выделенных гитлеровским командованием для первого удара по Советскому Союзу, около 1700 были легкие танки «Т-I» и «Т-II».

Танк «Т-I» весил всего 5,4 тонны, имел лобовую броню толщиной 13 миллиметров и, беспушечное вооружение (два пулемета). Разработан танк был еще в 1931-1932 годах.

Не намного превосходил его по боевым возможностям и танк «Т-II». Он весил 8,8 тонны, имел две 20-миллиметровые пушки и лобовую броню в 15 миллиметров.

Невысокими были и боевые характеристики средних танков «Т-III» и «Т-IV», которых в армии вторжения было около 2800. Танк «Т-III» весил 19,8 тонны, имел пушку калибра 37 миллиметров и лобовую броню толщиной 30 миллиметров. Танк «Т-IV» также имел в начале войны лобовую броню толщиной всего в 30 миллиметров, хотя и имел больший вес (24 тонны) и более мощное вооружение (75-миллиметровую пушку) (А.Н. Латухин. Противотанковое вооружение. М., 1974, стр. 12; «СВЭ», т. 7, стр. 656-657.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что советские противотанковые ружья надежно пробивали броню танка «Т-III» с дистанции 600 м, а 37-миллиметровая автоматическая зенитная пушка поражала этот танк с дистанции 800 м. Что касается наших противотанковых орудий, и особенно 76-мм пушек, то они разрушали своими снарядами броню танка «Т-III» даже с дистанции 2000 м.¹⁷

А вот что пишет в своих воспоминаниях о немецких танках начального периода войны бывший нарком вооружения Б.Л. Ванников: «Перед Сталиным лежали донесения, из которых явствовало, что немецко-фашистские армии наступали далеко не с первоклассной танковой техникой: у них были и трофейные французские танки «Рено» и устаревшие немецкие «Т-I» и «Т-II», участие которых в войне Берлин ранее не предусматривал».¹⁸

А теперь посмотрим, какие же якобы устаревшие советские танки противостояли этим гитлеровским машинам?

Один из самых распространенных советских танков начала войны, легкий танк «Т-26», по всем параметрам превосходил фашистские легкие танки, а по вооружению — даже средний танк «Т-III». Вес «Т-26» — 10,3 тонны, вооружение — 45-миллиметровая пушка, лобовая броня — 16 миллиметров.

В советских войсках находилось также большое количество колесно-гусеничных танков серии «БТ» («быстроходный танк»), которых с 1932 по 1941 год было выпущено около 7 тысяч единиц. За исключением своей первой модификации «БТ-2», оснащенной 37-миллиметровой пушкой, производство которой было прекращено еще в 1933 году, танки «БТ» были вооружены 45-миллиметровой пушкой, а некоторые из них даже 76-миллиметровой гаубицей. Танки серии «БТ» весили от 14 до 15 тонн (американские специалисты относили их к классу средних танков) и имели лобовую броню толщиной 20 миллиметров.

По скорости и запасу хода танки «БТ» не только на голову опережали все танки периода второй мировой войны, но и вполне могут сравниться с самыми последними моделями современных танков.

Последняя модификация танков этой серии — «БТ-7М» (известен также как «БТ-8»), выпущенная в 1939-1941 годах в количестве 1 тысячи машин, имела скорость на гусеничном ходу 62 километра в час, а на колесном — 86 километров в час. У гитлеровских танков максимальная скорость хода составляла: у «Т-I» — 40 километров, «Т-II» — 45, «Т-III» — 55 и «Т-IV» — 40 километров.

Еще поразительнее была разница в запасе хода: у «БТ» — 600 километров, «Т-I» — 200, «Т-II» — 300, «Т-III» — 165, «Т-IV» — 200, «Т-V» «Пантера» — 180, «Т-VI» «Тигр» — 100 километров.¹⁹

Помимо легких танков «Т-26» и «БТ» советские войска имели большое количество средних танков «Т-28», вполне сравнимых по основным характеристикам даже с немецким танком «Т-IV». Так, «Т-28» весил 28 тонн, имел лобовую броню в 30 миллиметров толщиной и был вооружен 76-миллиметровой пушкой.

Имелся в Красной Армии и тяжелый танк «Т-35» (вес — 50 тонн, вооружение — одна 76-миллиметровая и две 45-миллиметровые пушки, лобовая броня — 30 миллиметров).

Приведем только две оценки этих якобы безнадежно устаревших танков, которые ни один советский военный историк не хочет даже сосчитать. Одна оценка принадлежит американским специалистам, вторая — советскому.

Американские танковые эксперты С. Залого и Дж. Грэндсен пишут: «Во время немецкого вторжения в 1941 году советский танковый парк примерно на треть состоял из

¹⁷ А.Н. Латухин. Указ. соч., стр. 11, 12.

¹⁸ Б.Л. Ванников. Записки наркома. «Знамя», 1988 г., № 1, стр. 141.

¹⁹ Характерно, что по мере перехода немцев к обороне запас хода их танков падал и знаменитый «Тигр» был уже, в сущности, непригоден для проведения наступательных операций

танков «БТ». Хотя многие историки называют танки «БТ» и «Т-26» старым хламом, они, совершенно бесспорно, превосходили по большинству характеристик своих наиболее многочисленных немецких противников, танки «Т-I» и «Т-II», а их пушки надежно поражали даже танки «Т-III».²⁰

А вот что пишет советский специалист, в данном случае маршал Советского Союза Г.К. Жуков: «Быстро возрастал выпуск танков. За первую пятилетку было произведено 5 тысяч, к концу второй армия располагает уже 15 тысячами танков и танкеток. Все эти машины отличались высокой огневой мощностью, быстроходностью, в то время равных им по этим качествам однотипных машин у наших возможных противников не было».²¹

Конечно, можно возразить, что эта высокая оценка Г. К. Жуковым качества советских танков относится к концу второй пятилетки, то есть к 1937 году. Однако что изменилось с 1937 по 1941 год в соотношении качества советских и гитлеровских танков? Танки «Т-I», «Т-II», «Т-III» и «Т-IV» появились до 1937 года и были прекрасно известны советским военным и конструкторам, так что оценка маршала Жукова к ним относится полностью.

Единственное изменение состояло в появлении у Советского Союза нового поколения танков — «Т-34» и «КВ», решение о серийном производстве которых было принято 19 декабря 1939 года и которые начали поступать в западные пограничные округа со второй половины 1940 года. Таких танков к началу войны было выпущено свыше 1860 единиц (639 «КВ» и 1225 «Т-34»)²². По единодушному мнению всех специалистов, этим танкам в мире вообще не было равных. Танк «КВ» весил 47,5 тонны, имел 76-миллиметровую пушку и лобовую броню толщиной 75-100 миллиметров. Танк «Т-34» весил 31 тонну, был вооружен 76-миллиметровой пушкой и нес лобовую броню толщиной 45-52 миллиметра. Оба танка показали в боях практическую неуязвимость от огня танка «Т-IV», не говоря уже о танках «Т-I», «Т-II» и «Т-III».

Само появление этих лучших в мире танков стало возможным только благодаря высокому техническому уровню их предшественников. То принципиально новое расположение броневых листов, за счет которого достигалась высокая защищенность танка «Т-34» и которое стало классическим в мировом танкостроении, было испытано впервые на танках «БТ». Первый в мире танковый дизельный двигатель, знаменитый «В-2», установленный на танках «КВ» и «Т-34», перешел к ним с «устаревшего» танка «БТ-7М», в то время как немецкие танки, включая «Пантеры» и «Тигры», всю войну провоевали на прожорливых и огнеопасных карбюраторных двигателях. Трансмиссия танка «Т-34» также была заимствована с танков «БТ» и т.д.

Характеристики советских довоенных танков были результатом проведения долговременной, последовательной и целенаправленной стратегии развития советского танкостроения, основы которой были заложены еще в конце 20-х - начале 30-х годов, когда должность начальника вооружения РККА занимали такие дальновидные и творчески мыслящие военные, как И.П. Уборевич и М.Н. Тухачевский, а созданное в мае 1929 года управление механизации и моторизации РККА возглавляли горячие энтузиасты танкового дела И.А. Халепский и К.Б. Калиновский. Именно И.А. Халепский сумел во время длительной командировки в США в конце 20-х годов разглядеть в танке «М-1930», созданном талантливым конструктором Уолтером Кристи и отвергнутом американской армией, те качества, которые в оптимальной степени отвечали потребностям будущей войны, — скорость, запас хода, механическая надежность. Ибо советское танкостроение вплоть до 1937 года развивалось не ради создания все более технически совершенных и мощных машин, а было подчинено строгому и ясному стратегическому видению.

²⁰ «Military Modelling», February 1982.

²¹ Г.К. Жуков. Указ. соч., стр. 143.

²² «СВЭ», т. 7, стр. 662.

Советская военная мысль конца 20-х годов первой в мире оценила мощный наступательный потенциал, кроющийся в еще весьма несовершенных танках того времени. И не просто оценила. М.Н. Тухачевский и его соратники не тянули с воплощением своих замыслов в жизнь. В 1929 году заместитель начальника штаба РККА В.К. Триандафиллов представил на обсуждение свою теорию «глубокой операции», предусматривавшую массированное использование танков в максимально быстром темпе на всю глубину обороны противника. В июле 1929 года было принято постановление Реввоенсовета СССР «О системе танкотракторавтоброневоружения РККА», предусматривавшее создание в стране танковой промышленности и выпуск целого танкового семейства: танкеток, малого, среднего, большого (тяжелого) и мостового танков. Уже в 1931-1933 годах промышленность осваивает выпуск танкетки «Т-27», легкого танка «Т-26», среднего «Т-28» и тяжелого «Т-35». С 1933 года серийно выпускаются плавающие танки.

Особенно форсированными темпами идет освоение танков «БТ». Первые два шасси танка «М-1930», закупленные И.А. Халепским у У. Кристи, отправляются в СССР в декабре 1930 года. 23 мая 1931 года, еще до завершения сборки первых двух танков на базе шасси «М-1930» (получивших название «БТ-1»), Реввоенсовет принимает решение о принятии танков «БТ» на вооружение Красной Армии, в ноябре 1931 года первые танки «БТ-2» участвуют в праздничном параде, а в 1932 году 396 серийных танков «БТ-2» сходят с конвейера.

Параллельно с освоением массового выпуска новой техники танковым войскам придается организационная структура, отвечающая требованиям концепции «глубокой операции», В 30-м году в СССР создается первое в мире соединение танковых войск — механизированная бригада, а в 1932 году первый в мире механизированный корпус. К началу 1936 года в Красной Армии имеется уже четыре механизированных корпуса (по 500 танков в каждом), шесть отдельных механизированных бригад и столько же отдельных танковых полков, не считая 15 механизированных полков кавалерийских дивизий и более 80 танковых батальонов и рот в стрелковых войсках.

В то же время родоначальница танков — Англия лишь в 1932 году создает первую экспериментальную танковую бригаду. Германия в 1937 году имеет всего 3 танковые дивизии и даже в конце 1939 года, после начала второй мировой войны, — 6 танковых дивизий по 300 танков в каждой.²³

М.Н. Тухачевский — сторонник стратегии решительного пресечения агрессии на ее исходных рубежах. Именно для этого ему нужны, в частности, танки «БТ» с их недостижимой для иностранных танков скоростью и огромным запасом хода. Ему не нужны танки для пассивной обороны. И в том единственном случае, когда танки «БТ» были использованы по назначению, то есть наступательно и в едином бронированном кулаке, как это произошло под Халхин-Голом под командованием Г.К. Жукова, они продемонстрировали свое полное превосходство над противником, в том числе и над его танками (средним японским танком типа «89» и последней новинкой японского танкостроения — танком типа «97»).

В этой связи возникает вполне естественный вопрос: почему же, имея к концу 30-х годов многократное превосходство над Германией в танках, значительно превосходя ее по качественным показателям советских машин, имея блестящий опыт проведения танковых операций под Халхин-Голом, мы уже в первые месяцы войны потеряли почти весь танковый парк, не сумев как следует использовать тот мощный потенциал, которым обладают танковые войска?

Главные причины этого кроются прежде всего в тех деформациях, которые происходили в стране во второй половине 30-х годов и нанесли серьезный ущерб Красной Армии, в том числе ее танковым войскам. Все то, над чем так долго трудились М.Н. Тухачевский, другие создатели советских танковых войск и авторы концепций их

²³ А. Alexander. Op. cit., p. 12.

использования, было загублено. Теория «глубокой операции» была выброшена за борт как порождение «врагов народа», механизированные корпуса расформированы, их командиры расстреляны. Запуск в производство танков «Т-34» отложен. Из общей суммы ассигнований на танки в 1938 году израсходовано 68 процентов.²⁴ Зато нарком обороны Ворошилов мог с гордостью доложить XVIII съезду партии в марте 1939 года, что с 1934 по 1939 год количество конницы в Красной Армии возросло в полтора раза²⁵ (во второй половине 1941 года было сформировано еще свыше 80 кавалерийских дивизий).

Правда, под влиянием немецких побед на Западе, убедительно продемонстрировавших эффективность массированного использования танков, в 1940 году было решено вернуться к созданию ранее распущенных механизированных корпусов. В 1940 году было сформировано девять корпусов, каждый из которых по штатам военного времени должен был иметь 1031 танк, а в феврале-марте 1941 года началось формирование дополнительных 20 корпусов такого же состава. Однако неумение управлять крупными танковыми группировками ввиду фактически поголовного истребления высшего командного состава танковых войск привело к тому, что уже осенью 1941 года механизированные корпуса, как и входившие в их состав танковые дивизии, были вновь расформированы. Вот как мотивирует это решение в своей книге «Генеральный штаб в годы войны» генерал армии С.М. Штеменко, назначенный на работу в Генштаб в 1939 году с должности командира танкового батальона: «Уже в первые месяцы войны генштабисты столкнулись с острой нехваткой у нас танков. Противник же, имея преимущества в воздухе, продолжал продвигаться и действовать мощными танковыми клиньями, стремясь разорвать в ключья оборону советских войск. Встал вопрос о соответствии организационной структуры войск сложившимся условиям...

Как же в данном случае поступить? Рассуждали примерно так: реальной силой, способной дать отпор гитлеровским танкам и моторизованной пехоте, является советская пехота. Для устойчивости необходимо ее насытить противотанковой артиллерией и танками. Серьезная танковая поддержка могла быть реально оказана за счет более мелких соединений, частей и подразделений, т. е. танковых бригад, полков и батальонов, а не за счет корпусов, которые действовали самостоятельно. На том и остановились»,

На деле такое решение означало, что и без того сильно поредевшие в ходе первых месяцев боев советские танковые войска (к декабрю 1941 г. на действующем фронте, по официальным данным, оставалось всего 1300 танков) были ослаблены еще больше, ибо они стали использоваться распыленно, путем их равномерного распределения по пехотным частям, то есть наименее эффективно.

Между тем немцы вплоть до конца войны даже в обороне стремились использовать танки концентрированно. К примеру, при наступлении в Арденнах в декабре 1944 года немецкие войска, сколотив группировку в 970 танков и штурмовых орудий, почти не имея горючего и прикрытия с воздуха, сумели нанести серьезное поражение англо-американским войскам с их подавляющим превосходством в авиации, танках и артиллерии.

Как отмечали американские эксперты С. Залого, Дж. Грэндсен, большие потери советских танков в начале войны объяснялись не их устарелостью, а неправильным их использованием и «сравнительной малоопытностью их экипажей, чудовищной нехваткой офицерских кадров в результате чисток в армии, а также парализующим недостатком запасных частей».²⁶

Отсутствие у высшего советского командования четкой концепции использования танков прослеживается на протяжении большей части войны. Так, когда весной 1942 года было в очередной раз принято решение о создании крупных танковых формирований (корпусов и армий), в их состав были включены стрелковые, по существу, пешие дивизии, неспособные

²⁴ «История Великой Отечественной войны», т. 1, стр. 415.

²⁵ Г.К. Жуков. Указ. соч., стр. 182.

²⁶ «Military Modelling», February 1982.

угнаться за танками, в результате чего эти танковые корпуса и армии оказались непригодными для проведения сколь-нибудь глубоких наступательных операций.

Лишь летом 1943 года, ко времени битвы на Курской дуге, были сформированы танковые соединения и объединения, отвечающие требованиям теории «глубокой операции», то есть имеющие в своем составе моторизованную пехоту, самоходную артиллерию и другие средства усиления, позволяющие крупным танковым группировкам действовать самостоятельно в глубоком тылу противника.

Однако и эти танковые группировки использовались зачастую для выполнения задач, для которых они, по существу, были малопригодны. В частности, они применялись для штурма крупных городов, являющихся идеальными естественными противотанковыми укреплениями (классический пример — штурм Берлина, в котором участвовало 6250 танков, почти вдвое больше, чем насчитывалось во всей гитлеровской армии вторжения в 1941 году).

Неудивительно, что при столь расточительном использовании танков советские танковые войска на протяжении всей войны несли неимоверно тяжелые потери. Хотя потери в танках, как и остальные потери советских войск, остаются «белым пятном» истории Великой Отечественной войны, приблизительные цифры этих потерь можно получить даже на базе использования имеющихся косвенных данных.

Известно, что к началу 1945 года Советский Союз имел на фронте 11,8 тысячи танков и САУ. Если учесть, что с июня 1941 года по декабрь 1944 года советская промышленность произвела свыше 80 тысяч танков (всего за годы войны было выпущено 102,8 тысячи танков и САУ), и добавить к этой цифре 20 тысяч довоенных танков и 12,5 тысячи танков, полученных Советским Союзом по ленд-лизу (7 тысяч американских, 4,3 тысячи английских и 1,2 тысячи канадских), то масштабы советских потерь в танках за этот период войны представить себе можно.

На ориентировочную оценку танковых потерь можно выйти и другим путем. Авторы советского труда «Военная стратегия» пишут, что среднемесячные безвозвратные потери советских танков в годы минувшей войны составляли 19 процентов от имеющихся на фронте.²⁷ Если взять за точку отсчета, например, лето 1943 года, когда на фронте находилось 10,2 тысячи советских танков, то это означает, что Советский Союз терял за год войны свыше 20 тысяч танков.

Характерно, что наиболее высокие потери в танках советские войска несли, по видимому, в 1943-1944 годах, то есть тогда, когда на вооружении советских войск уже не оставалось танков довоенной постройки, а на фронт поступали исключительно новейшие танки, в том числе модернизированный танк «Т-34/85» (с 85-миллиметровой пушкой), и самые мощные танки периода второй мировой войны — знаменитые «ИС-2» и «ИС-3» («Иосиф Сталин») со 122-миллиметровой пушкой (выпуск легких танков в СССР к этому времени был прекращен).

Если еще в 1942 году и первой половине 1943 года советские войска имели численное превосходство в танках над немцами (в мае 1942 года на фронте находилось 3882, в ноябре 1942 года — 5080 и летом 1943 года — 10 200 советских танков и САУ против соответственно 3229, 5080, и 5850 немецких), то уже с конца 1943 года численное превосходство в танках перешло к противнику. Так, в начале 1944 года Гитлер имел на советско-германском фронте 5400 танков и САУ, а на 1 июля — 7800, в то время как с советской стороны в этот период на фронте находилось соответственно 5258 и 7100 танков и САУ, то есть намного меньше, чем летом 1943 года.

К началу 1945 года, когда на фронте находилось 11,8 тысячи советских танков и САУ против более 8 тысяч немецких, численное превосходство в танках вернулось к Советскому Союзу.

²⁷ «Военная стратегия». М., 1963, стр. 427.

НЕЛЬЗЯ не отметить, что Сталин прекрасно осознавал весь трагизм развала им танковых войск и ликвидации военных кадров. Серия побед гитлеровских танковых клиньев в Польше и Западной Европе в 1939–1940 годах грянула как гром среди ясного неба. Ведь эти победы достигались отнюдь не благодаря качеству и количеству немецких танков. Немецкие генералы действовали по одной и той же схеме, основанной на теории «глубокой операции». Однако признать это означало подтвердить правоту «врагов народа». Проще и безопаснее было объяснить успехи германского оружия числом и мощностью немецких танков. И здесь все сталинское окружение начало соперничать друг с другом по части описания могущества немецких танковых армий. Особенно отличалась разведка, доложившая, что немцы перевооружают свои танки пушками калибра свыше 100 миллиметров и новой, в несколько раз более мощной, по сравнению с ранее известной, броней. И этой «информации» оказалось достаточно для того, чтобы снять с производства лучшие в мире советские 76-миллиметровые противотанковые пушки как совершенно бесполезные против немецких танков.

Степень неосведомленности советского военного руководства о военно-экономических возможностях других стран, а скорее всего упорное нежелание видеть реальность поражают даже сейчас. Так, еще до начала второй мировой войны возможности Англии и Франции по производству танков были оценены соответственно в 30 тысяч и 18 тысяч танков в год.²⁸ В действительности же Англия, например, выпустила в 1936 году 42 танка, в 1937 году — 32, в 1938 году — 419, в 1939 году 969 и в 1940 году, когда она делала все от нее зависящее, чтобы как можно скорее восполнить потерю всех своих танков под Дюнкерком, Англия смогла выпустить 1399 танков.²⁹

Прямых оценок возможностей Германии по выпуску танков, которыми руководствовался советский Генштаб накануне войны в планировании собственных потребностей в танках, не опубликовано. Однако есть весьма выразительные косвенные данные: в феврале 1941 года Генштаб обратился к Сталину с обоснованием срочной необходимости формирования дополнительных 20 механизированных корпусов с 32 тысячами танков, в том числе 16,6 тысячи «КВ» и «Т-34». Таким образом Генштаб, по-видимому, полагал, что ему для войны с Германией нужно, считая и «устаревшие» танки, никак не менее 50 тысяч танков (цифра, кстати, соответствующая натовским оценкам современного танкового парка Советского Союза).

Не менее сильно промахнулись Сталин и Генштаб и в оценке качественных характеристик гитлеровского танкового парка. Никаких танков со 100-миллиметровыми пушками так до конца войны у Германии и не появилось, зато бывший гитлеровский генерал Э.Шнейдер мог с полным удовлетворением после войны написать, что, «несмотря на некоторые конструктивные недостатки, немецкие танки вполне оправдали себя в первые годы войны. Даже небольшие танки типов I и II, участие которых в войне не было предусмотрено, показали себя в боях не хуже других».³⁰

После окончания второй мировой войны прошло достаточно времени для того, чтобы окончательно разобраться с мифами о количественном и качественном превосходстве Германии над СССР накануне войны в танках, авиации и другом вооружении, а значит, ликвидировать «белые пятна» в этих вопросах.

Прежде всего следует признать, что создателем первого мифа — о количественном превосходстве фашистских войск в танках — является сам Сталин, с тем чтобы оправдать свою вину за развал танковых войск и уничтожение танковых кадров, приведших к огромным потерям и неудачам в первый период Великой Отечественной войны. Выступая 6 ноября 1941

²⁸ Г.К. Жуков. Указ. соч., стр. 103; «Вооруженные силы Британской империи». М., Госвоениздат, 1938, стр. 29.

²⁹ «History of the Second World War» Ed. by W.K. Hancock. London, 1951, p. 148.

³⁰ «Знамя», 1988 г., ¹ 1, стр. 141.

года на торжественном заседании по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, он прямо назвал превосходство Германии в танках одной из двух причин неудач советских войск (первой причиной Сталин назвал отсутствие второго фронта). Вот его слова: «Другая причина временных неудач нашей армии состоит в недостатке у нас танков и отчасти авиации. В современной войне очень трудно бороться пехоте без танков и без достаточного авиационного прикрытия с воздуха. Наша авиация по качеству превосходит немецкую авиацию, а наши славные летчики покрыли себя славой бесстрашных бойцов. Но самолетов у нас пока еще меньше, чем у немцев. Наши танки по качеству превосходят немецкие танки, а наши славные танкисты и артиллеристы не раз обращали в бегство хваленые немецкие войска с их многочисленными танками. Но танков у нас все же в несколько раз меньше, чем у немцев. В этом секрет временных успехов немецкой армии. Нельзя сказать, что наша танковая промышленность работает плохо и подает нашему фронту мало танков. Нет, она работает очень хорошо и вырабатывает немало превосходных танков. Но немцы вырабатывают гораздо больше танков, ибо они имеют теперь в своем распоряжении не только свою танковую промышленность, но и промышленность Чехословакии, Бельгии, Голландии, Франции. Без этого обстоятельства Красная Армия давно разбила бы немецкую армию, которая не идет в бой без танков и не выдерживает удара наших частей, если у нее нет превосходства в танках».³¹

Создание второго мифа — о качественном превосходстве немцев в современных танках — Сталин доверил своему военному окружению и проверенной когорте историков. Однако его личное участие в этом также бесспорно.

Во-первых, этот миф позволял Сталину списать «на устарелость» советских танков свою полную неподготовленность к войне и фактическую потерю всего огромного советского танкового парка в первые же месяцы войны.

Во-вторых, этот миф давал возможность взвалить ответственность за военные поражения на истребленных Сталиным военачальников. Не случайно во всех официальных работах по истории Великой Отечественной войны стал усиленно протаскиваться тезис о том, что лишь с 1939-1940 годов, то есть после почти поголовной замены командных военных кадров и заключения пакта о ненападении с Гитлером, стали в неотложном порядке проводиться мероприятия по оснащению армии новейшим вооружением.

В-третьих, он позволял замаскировать тот факт, что Советский Союз, обладая на протяжении всех 30-х годов огромным превосходством в танках над Германией, упустил реальную возможность придать войне с ней совсем другой, несравненно более благоприятный для себя характер. Нетрудно себе представить, как протекала бы такая война, если бы советские «устаревшие» танки были бы использованы полководцами типа М.Н. Тухачевского наступательно, в едином бронированном кулаке и при соответствующей поддержке бомбардировочной авиации и воздушно-десантных войск, в развитии которых Советский Союз был мировым лидером вплоть до 1937-1938 годов и которые Сталин также развалил накануне войны как порождение «врагов народа».

Миф о технической отсталости основной массы советской боевой техники накануне войны удивительно живуч и продолжает поддерживаться в советской историографии до сих пор.³² Разве подлинная новизна оружия определяется только годом его поступления на вооружение? Кто, когда и, главное, зачем провел деление довоенного вооружения на новое и устаревшее? Разве неясно хотя бы из записок наркома Б.Л. Ванникова, что произвольно устанавливавшийся критерий новизны сплошь и рядом использовался для снятия с вооружения надежной и освоенной войсками техники?

³¹ И.В. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., Госполитиздат, 1943, стр. 23-24.

³² Даже такой серьезный исследователь, как генерал-полковник Д.А. Волкогонов, пишет как о чем-то само собой разумеющемся, что накануне войны у Советского Союза «новых самолетов, как и танков, было не более 10-20 процентов» («Правда», 20 июня 1988 г.).

Опыт второй мировой войны показывает, что уже тогда решающим критерием оценки танковой мощи противоборствующих сторон было не столько количество и качество имеющихся у них боевых машин, сколько характер военной доктрины государства, организация и способы применения бронетанковых войск, степень подготовленности их личного состава. Исторические факты свидетельствуют о том, что танки являются наступательным оружием, массированное применение которого связано с труднопредсказуемыми последствиями. Объективному историку никуда не уйти от того факта, что Гитлер завоевал почти всю Европу со смехотворно малым по современным меркам числом танков, притом танков весьма посредственного даже для своего времени качества. Из этого можно также сделать вывод, что никакое превосходство в танках при пассивной обороне не дает государству каких-то гарантий безопасности или даже просто осязаемых преимуществ перед лицом противника, целеустремленно и решительно придерживающегося наступательной стратегии.

Анализ всего того, что произошло у нас с танковыми войсками накануне и в годы Великой Отечественной войны, наводит вот еще на какие размышления: нетрудно представить себе, что при таком уровне военных потерь многие вышли из войны с ощущением ненасытной потребности в танках. Именно в огромных танковых потерях периода Великой Отечественной войны кроется одна из причин нашей приверженности к танкам, возникновения у нас своеобразной «танковой философии», приведшей к появлению новой, уже послевоенной танковой асимметрии в пользу Советского Союза. Однако это — отдельный вопрос, требующий самостоятельного рассмотрения.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЖИЗНЬ, № 9, 1988. Сс. 39–52.